Литературная Россия
г. Москва
10 фев. 1984 г

ХРАНИТСЯ В ЛИЧНОМ АРХИВЕ

«ДУМА ЗА ДУМОЙ»

В Полтаве, на улице, носящей имя Пушкина, живет праправнучка великого поэта Наталья Сергеевна Савельева. Ее матери Софье Николаевне Данилевской — внучатой племяннице Н. В. Гоголя и правнучке А. С. Пушкина — в прошлом году исполнилось 95 лет. Долгие годы хранила она семейную реликвию — альбом «Дума за думой». Вот как описывает эту книгу Н. С. Савельева: «Дума за думой» — книга-альбом с отрывками стихотворений русских поэтов, которые соответствуют времени года, числу и месяцу. Каждая страница взята в рамку-орнамент, иногда цветной. Книга была подарена моему деду Николаю Владимировичу Быкову «Катей Гиляровской» (такова помета на альбоме) в 1902 году:..»

Этот небольшой альбом в голубой матерчатой с тиснением обложке поистине уникален. Среди друзей Н. В. Быкова — сына сестры Н. В. Гоголя — были многие выдающиеся люди того времени. Некоторые из них оставили в альбоме свои росписи и стихотворные строки. Здесь можно увидеть также автографы родных хозяина альбома по линии А. С. Пушкина.

Но, пожалуй, особенно ценны записи В. А. Гиляровского. Владимир Алексеевич, с юных лет влюбленный в произведения Н. В. Гоголя, впервые побывал на родине великого писателя — в Миргороде, Сорочинцах и других местах Полтавщины в 1898 году. Здесь, на Яновщине, познакомился он с Николаем Владимировичем Быковым и его женой Марией Александровной Пушкиной. Общих интересов оказалось немало. Кроме того, в доме Быкова хранилось множество семейных реликвий, рассмотрению которых Гиляровский «посвятил целый день и почти всю ночь», — как он вспоминал впоследствии. Знакомство переросло в дружбу семьями, последовал обмен подарками, свидетельством чему и явился альбом «Дума за думой».

Поэзии звуком
Блеснуть не решусь —
Под Пушкиным внуком
Хоть так распишусь.

Такой шуточный экспромт записал в альбом «дядя Гиляй». Но все же он, видимо, «решился». Ибо есть в книжке два небольших стихотворения «неистового репортера», как известно, начинавшего свое творчество в поэтическом жанре. Вот одно из них:

Я люблю в снегах
печальных
Вспоминать былую лень,
Тополей пирамидальных
Стройно брошенную сень,
Звезд блестящих хороводы,
Неба яркого лазурь,
И далекие свободы,
И порывы грозных бурь!

Под стихотворением подпись — «В. Гиляровский» и дата — 1902 год.

Такова эта любопытная книжечка, соединившая в себе ниточки, протянувшиеся от двух поколений отечественной словесности.

Борис ПЯТЕЦКИЙ

На снимке: Н. С. САВЕЛЬЕВА (праправнучка А. С. Пушкина) с альбомом «Дума за думой». Полтава, февраль 1983 г.

СЛЕД В ЖИЗНИ

«...И ВЕЛИКИЙ ЧУДАК»

«Ох, чудак!» — восклицал каждый побеседовавший с ним, проницательный же П. А. Вяземский в письме А. С. Пушкину характеризовал Бартенева подробнее: «Умный, образованный и великий чудак». И в историю он вошел как один из оригинальнейших и эрудированнейших людей в России XIX века.

Юрий Никитич Бартенев родился в древнем сельце Золотово в 23 верстах от Галича на Судиславском тракте. Отец его, «человек старого закала и строгих правил», в 1804 году отдал сына в Костромскую гимназию, а через год перевел в Московский благородный пансион. В 1807 году молодой Бартенев определяется в канцелярию Костромского губернского правления, но через два года поступает в Дворянский полк «для научения порядка военной службы».

После войны Юрий Никитич служит в Риге, а в 1816 году переводится в Петербург преподавателем 2-го кадетского корпуса.

Весной 1819 года Юрий Никитич оставляет военную службу и получает место директора гимназий и училищ Костромской губернии. На этом поприще он проявляет себя великолепным педагогом, приводит учебное дело в губернии в отличное состояние. Позднее сенатская ревизия подчеркивала: «Все здесь одолжено одной неутомимости самого директора Бартенева, который при вступлении в свою должность не имел помощников в своих учителях, но впоследствие, вразумя их и приспособя к делу, довел терпением и попечением своим Костромскую гимназию до образцовой».

Вместе с тем независимый характер директора, беспощадные и остроумные шутки восстановили против него местные власти.

К костромскому периоду в жизни Бартенева относится его дружба с П. А. Вяземским. Поэт, владевший селом Красное на Волге, навещал приятеля в губернском центре, а тот, посещая столицы, всегда бывал у Петра Андреевича, познакомившего его с Жуковским и Пушкиным, которых заинтересовал многознающий костромич. В переписке Пушкина имя Бартенева упоминается с 1828 года, когда Бартенев и Пушкин, живя в Москве, вместе бывали у Вяземского. Как-то Юрий Никитич пришел с альбомом, и гениальный поэт вписал туда сонет «Мадона» с припиской: «30 августа 1830. Москва. В память любезному Юрию Никитичу Бартеневу». В свою очередь костромич, собравший уникальную библиотеку, подарил поэту книгу Жан-Поля с надписью: «Знаменитому Пушкину и Пушкину любимому на память от Бартенева. 1830 года 31-го августа Москва».

О пополнении альбома (ныне хранится в Пушкинском Доме) костромич заботился всю жизнь.

Живя в Золотове, по временам Бартенев приезжал в Москву, встречался там с В. А. Жуковским, Н. А. Полевым, Н. И. Надеждиным, а в 1836 году, будучи в Петербурге, вместе с Пушкиным посетил Вяземского. Тогда же Юрий Никитич вновь поступил на службу чиновником особых поручений при главноначальствующем почтовым департаментом князе А. Н. Голицыне. Когда в начале 1840-х годов Голицын переселился в Крым, Бартенев попрежнему состоял при нем, ведя очень интересный дневник, свидетельствующий о его огромной эрудиции.

В Крыму он подружился с Е. К. Воронцовой, которой когда-то был увлечен А. С. Пушкин, и в апреле 1843 года отметил в дневнике: «Она отправляется в чужие края на 15 месяцев... Дай бог ей счастливый путь! Эта женщина бросила мне несколько цветков утешения». Вообще его занимает все, связанное с великим поэтом: «Получа 6-ю книгу «Отечественных записок», — заносит он в дневник, — я так заинтересован был статьею о Пушкине (В. Г. Белинского. — В. Б.), что даже и ночью нашел время почитать ее несколько».

Последние двадцать лет жизни Юрий Никитич провел в Москве. Там его узнал и оценил Н. В. Гоголь, приглашавший костромича в числе особо близких лиц на свои именины, устраиваемые у историка М. П. Погодина. Там около Ю. Н. Бартенева «собирался тесный кружок слушателей, — вспоминал сын историка. — Юрий Никитич начинал чрезвычайно едко и остро передавать различные факты, смешные стороны лиц, с которыми он сталкивался по своей службе, и большею частью знакомых слушателям; остротам его не было конца, и злой язык Юрия Никитича никому не делал пощады». Часто навещал Бартенева его двоюродный племянник А. Ф. Писемский, использовавший его рассказы в романе «Масоны».

Бартенев умер в 1866 году. Казалось, ему, не печатавшемуся при жизни, суждено кануть в Лету забвения, но случилось иначе. С конца XIX века публикуются записки, письма, дневники костромича, его «Золотовская летопись», сразу ставшие ценными, часто цитируемыми источниками, обнаруживающими тот глубокий и оригинальный ум, за который ценили Бартенева Пушкин и его современники.

Виктор БОЧКОВ
КОСТРОМА

ГИПОТЕЗЫ. ДОГАДКИ. ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

Лист из ушаковского альбома

Однажды в музей Лермонтова на Малой Молчановке пришла миловидная пожилая женщина. Долго и взволнованно она ходила по тихим комнатам лермонтовского дома, а потом зашла в научный отдел, чтобы выразить признательность сотрудникам музея. Завязалась беседа. От Лермонтова разговор перешел к Пушкину. И тут Наталья Дмитриевна Архангельская (так звали нашу посетительницу) рассказала, что в их семейном архиве имеется альбом ее отца со снимками Полотняного Завода, где бывал Пушкин. Отец Натальи Дмитриевны — Дмитрий Николаевич Ушаков, создатель известного Толкового словаря русского языка, член-корреспондент АН СССР, профессор Московского университета — сделал эти снимки, как гласит надпись на обложке альбома, в 1899 году, 16 июля.

В Полотняный Завод его привела страстная любовь к Пушкину, которую Дмитрий Николаевич пронес до конца своих дней.

Бережно листаем маленький изящный альбом...

Виды дома Гончаровых, «Красный» театр, Спасская церковь с въездными воротами... Фотографии снабжены подробными комментариями. Точно обозначены окна пушкинской комнаты в большом доме.

На одном из листов — портрет старика с окладистой бородой и надпись: «Александр Дмитриевич Каменев, 79 лет, мальчиком видавший Пушкина в его двукратное посещение Полотняного Завода и служивший его вдове во время ее пребывания там после смерти мужа. Теперь столяр при писчебумажной фабрике Гончаровых в Полотняном Заводе. Снят на том месте, откуда он смотрел, как купается Пушкин (теперь заросло)».

Надпись заинтересовала.

А может быть, этот старик, стоящий навытяжку перед объективом, и есть один из тех крепостных гончаровских мальчиков, память которых о Пушкине, бережное отношение ко всему, что связано с именем великого поэта, донесли до нас множество драгоценных черточек его жизни в имении Гончаровых.

И вот пожелтевшие страницы дел из архива Гончаровых начали рассказывать...

Семья дворового человека Дмитрия Каменева была большая: жена Надежда, семеро детей, мать-старуха. Александр, младший сын, был пятым ребенком в семье. Когда точно он начал трудиться, осталось для нас неизвестным, но в регистре жалованья, выданного дворовым людям за 1838 год, он числится «в доме в прислугах». Его имя мелькает в списках на выдачу дворовым обуви и платья.

А теперь напомним эпизод из жизни Пушкина в Полотняном Заводе, описанный на страницах калужских газет.

«Один из стариков рассказывал Д. Д. Гончарову, как он, будучи мальчиком при буфете и накрывая в столовой по соседству с комнатой А. С. Пушкина к завтраку, рассыпал ножи и вилки. Встревоженный шумом, Александр Сергеевич быстро выскочил из комнаты, чтобы узнать о причине грохота. Мальчик так напугался, что забился под стол. Александр Сергеевич рассмеялся, успокоил его и ушел в свою комнату продолжать прерванные занятия».

На наш взгляд, «мальчик при буфете» — это и есть Александр Каменев, выученный затем на официанта. Во всяком случае других крепостных мальчиков с подходящей биографической ситуацией нами в архиве не обнаружено.

В материалах о пребывании Пушкина в Полотняном Заводе имеются также сведения, что у него был казачок 13—14 лет, однажды видевший Пушкина лежащим на бильярдном столе, пишущим стихи и одновременно громко распевающим какую-то народную песню. Кроме того, существует предположение, что этот казачок и мальчик-слуга, рассыпавший приборы, одно и то же лицо. А отсюда можно сделать вывод, что Александр Дмитриевич Каменев был казачком Пушкина. В таком случае становится понятным, почему именно он, как свидетельствует надпись под фотографией, прислуживал Наталье Николаевне, когда она после смерти мужа жила в Полотняном Заводе.

Итак, с фотографии на нас глядит Александр Каменев, мальчиком хорошо знавший Пушкина, общавшийся с ним, через всю свою долгую и трудную жизнь пронесший светлую память о поэте, о его простоте и сердечности по отношению к крепостным.

Александр Дмитриевич пожелал сфотографироваться именно на том месте, откуда он когда-то наблюдал за купающимся Пушкиным, а также на ступеньках пушкинской беседки в парке на крутом берегу Суходрева.

В семейном архиве дочери Д. Н. Ушакова есть прекрасные акварели и зарисовки пейзажей и усадеб средней полосы России, сделанные рукой ее отца. Среди них были обнаружены еще два портрета Александра Дмитриевича Каменева — карандашные наброски анфас и в профиль с надписями и с той же датой — 1899 год.

С. БОЙКО,
старший научный сотрудник Государственного Литературного музея

На снимках: карандашные портреты А. Каменева, сделанные Д. Н. УШАКОВЫМ в июле 1899 года.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ НОМЕРА

- СТРАНИЦЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ
- КАЗАЧОК ПУШКИНА!..
- «УМ ГЛУБОКИЙ И ОРИГИНАЛЬНЫЙ»